

СУББОТНЕЕ
ИНТЕРВЬЮСОВПАДЕНИЯ
НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ

...Мне нравится актер Андрей Мягков. Его герои необычно жизненны — им веришь, их любишь. Думаю, что встреча с ним будет интересна не только мне, но и многим другим.

А. КОРОВИНА,
аспирантка МГУ.

Сегодня по просьбе наших читателей мы публикуем интервью с артистом театра «Современник» Андреем Мягковым.

— Андрей Васильевич, как вы относитесь к газетным интервью? Интересно ли вам читать публикации такого рода?

— Честно говоря, нет. За редким исключением. И только разговор с людьми, в профессии которых я ничего не понимаю. Например, с дирижером. Когда он размышляет о своей профессии — это мне интересно, разговоры же об элементарных вещах — скажем, о любви к книгам, к искусству, словом, общее, что должно быть присуще каждому человеку, — читать скучно.

Мне кажется, не стоит искать исключительных, уникальных черт в людях (в частности, в актерах), которым удалось что-либо сделать в искусстве, — это их долг, их обязанность. Более того, подчас случается, что им просто повезло, а другим (не менее достойным) возможности проявить себя пока не представилось.

Я понимаю — выступление критика, рецензента. Узнать квалифицированное, серьезное мнение о своей работе любопытно и полезно. Остальное, на мой взгляд, — лишнее.

— Однако большинство людей все-таки не связано с актерским искусством. Следуя вашему же рассуждению, им эта область не известна. К тому же зрителю интересно узнать мнение любимого актера о вещах, казалось бы, не имеющих прямого отношения к его творчеству. Также «случайные» сведения помогают зрителям лучше, ближе узнать актера как личность. Глядишь, и понять, почему актер сыграл данную роль так, а не иначе... Чего можно ждать от него в следующих работах.

— Что ж, принимаю условия этой игры и подчиняюсь законам вашей профессии.

— Часто люди, посмотрев тот или иной спектакль или фильм, олицетворяют полюбившегося героя с исполнителем данной роли, с самим актером. Как теперь вас, очевидно, принимают за Женю Лукашина. А на самом деле, совпадают ли ваши личные черты с характерами ваших героев?

— Не обязательно. Ведь роль, особенно в кино, могут предложить, исходя, как говорится, из «типажа», из того, что ты уже сыграл. Но актер, безусловно, выбирает в контексте роли те черты, усиливает те стороны, которые считает необходимыми в данном образе и в данных обстоятельствах. (И они совсем могут не совпадать с моими человеческими реакциями в похожей обстановке. Например, я очень люблю веселиться. Дома у нас редкий вечер обходится без гостей. Однако непрошенных гостей не люблю. И быть непрошеным — тоже. Начинаешь испытывать, ощущать какую-то неестественность — искусственная веселость, разговоры, необходимости в которых нет. Думаешь — зачем все это? А в картине, как вы помните, Женя выступает именно в такой роли. На этом строится весь сюжет). Но закончу свою мысль. Конечно, каждый актер выбирает в образе то, что ему ближе. Здесь без собственного, личного «фильтра» не обойтись.

Ну, а похож ли я в жизни на Женю Лукашина, спросить лучше, очевидно, у моих друзей.

— Как вы думаете, в чем причина успеха фильма «Ирония судьбы»?

— Мне судить нелегко. Этот вопрос я мог бы задать вам.

Наверное, картина нравится потому, что добрая, искренняя, ясная. Я давно не видел чистого фильма о любви. Кроме того, картина Эльдара Рязанова говорит и о сложности человеческих отношений, восприятия жизни, словом, поднимает целые пласты.

Но прежде всего оттого, что добрая...

— Доброта присуща почти всем нашим героям. И еще в них есть особая характерная черта — душевная деликатность, скромность, одним словом, как теперь уже можно выразиться, нечто

«лукашинское». Происходит ли это потому, что вы выделяете подобные качества как наиболее важные для вас, можно ли считать их лейтмотивом в вашем творчестве, определенной темой?

— Наверное, мне просто везло на хорошие роли. А если говорить серьезно, я всегда с некоторой опаской воспринимаю людей, говорящих: «У меня есть своя тема». Она может существовать, на мой взгляд, лишь в индивидуальном искусстве — поэзии, живописи, музыке. Наверное, все связано с отношением человека к жизни, с его внутренним складом, с широтой или узостью его кругозора, с его чисто человеческими симпатиями и антипатиями. Ведь если я всей душой ненавижу, предательство в любом — малом и большом, то, очевидно, скрыть этого невозможно ни в жизни, ни на сцене. Да и не нужно. Потому что мне, например, всегда интереснее видеть, когда за исполнением какой-то роли угадывается личность актера.

— Тогда кто ваши любимые актеры?

— Их очень много. И в каждом из них меня привлекает прежде всего умение личностно воспроизводить то, что ему предложено автором. Но при этом я могу видеть и понимать их недостатки.

— Значит, актеров можно любить и за недостатки?

— Мысль парадоксальная, но, очевидно, можно. Во всяком случае, «идеально» любимого актера у меня нет.

— Вы вообще противник в этом смысле идеалов в искусстве?

— Если их у меня нет, то это еще не значит, что я противник. Просто художник подчеркнуто безупречный во всех отношениях для меня сомнителен с точки зрения искренности.

— А что вы цените в людях вообще?

— Бескорыстие, отсутствие мелочности, душевную щедрость. Ну, а в женщине еще и красоту. Красота, по-моему, не бывает злой. Правда, говорят: злая, холодная красота. Так ведь это — то же уродство. Красота — она всегда добрая, лучистая, как талант.

— Из-за чего вы в жизни страдаете больше всего?

— Из-за несчастий и неприятностей близких людей. Согласитесь, как правило, существует уверенность, что за себя-то ты сможешь постоять, а вот в горестях близких тебе людей... чувствуешь свою беспомощность.

— Считаете ли вы, что актер — как актер — должен уметь делать все?

— Думаю, да. Во всяком случае, по возможности нужно обходиться без всяких дублеров. Очень жалею, например, что в фильме «Ирония судьбы» песни исполнил не я сам.

— Что увлекает вас в жизни, кроме театра?

— Живопись. Никогда раньше не пробовал рисовать, но хотел с самого детства. И не так давно отважился. Пишу маслом. Как самый наглый дилетант — выбрал самое сложное. В основном портреты. Получаю огромное удовольствие.

— Если бы не стали актером, какую профессию избрали бы?

— Трудно предположить, что делал бы, но искусством занимался бы обязательно. Где-нибудь в самодеятельности. Ну, а работал, очевидно, инженером по пластическим массам, все-таки диплом у меня есть — окончил Химико-технологический институт в Ленинграде.

— Вы коренной ленинградец?

— Да.

— Скушаете ли вы по своему родному городу?

— Очень. Раньше не представлял себя без Ленинграда. Но вот после окончания школы-студии МХАТ в 1965 году меня приняли в «Современник». А любимый театр я не променяю ни на что, даже на любимый город.